

A movie poster featuring a woman with long, dark, curly hair wearing a white lab coat with a stethoscope, looking up at a man in a dark, hooded, medieval-style tunic. The background is a composite of a modern city skyline, a large planet, and a fantasy castle on a mountain.

Доктор по зову

18+

МегаМегафон МегаМегафон Лекарь по зову

<https://litres.ru/74609227>

SelfPub; 2026

Аннотация

Азалия врач хирург. Но пытается сменить профессию на пластического хирурга, так как они зарабатывают больше. В её планы не входило попасть в прошлое - лечить Императрицу.

Содержание

Глава 1 Не тот шов.	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

МегаМегафон Лекарь по зову

Глава 1 Не тот шов.

Дождь за окном такси стекал по стеклу жидким оловом, стирая очертания незнакомого города. Азалия прижала лоб к прохладному стеклу, пытаясь заглушить внутреннюю дрожь. Не волнение — она, хирург с семилетним стажем, не боялась новых вызовов. Это была усталость от самой себя. От бесконечных аппендэктомий, холецистэктомий, срочных дежурств в золотой час, когда город резал сам себя в ДТП. Ее руки, привыкшие спасать, жаждали не просто функциональности, а... гармонии. Или хотя бы иллюзии ее. Так она и оказалась здесь, на престижных курсах пластической хирургии, в тысяче километров от своего операционного.

Лекционный зал, куда ее привезли, напоминал стерильный белый куб. В центре стоял муляж торса с идеально проработанной «раной» на грудной клетке — учебный полигон для швов. Азалия, опережая расписание, уже облачилась в синие скрабы. Ее тонкие, сильные пальцы автоматически проверили инструменты: иглодержатель, атравматичную иглу, рассасывающуюся нить.

«Все то же самое, — подумала она, делая первый точный

укол в силиконовую кожу. — Только цель другая. Не зашить, чтобы выжил, а зашить, чтобы не было видно».

Игла плавно пошла внутрь, вышла наружу. Петля, узел. Точность ювелира. Она погрузилась в ритм, в медитативный покой рутины. Шум зала, бормотание других ранних слушателей отступили. Остался только шелковистый шорох нити, скользящей через ткани.

Именно в этот момент пространство за ее спиной содрогнулось.

Не гром, не хлопок — именно содрогнулось, будто воздух был тканью, и кто-то грубо дернул ее за край. Азалия вздрогнула, и игла соскользнула, оставив неидеальный прокол. Она с раздражением обернулась.

И застыла.

В трех метрах от нее, посреди современного лекционного зала, стоял мужчина. Высокий, на голову выше самого рослого охранника у двери. Широкий в плечах, словно вытесанный из гранита. Одет он был в потертую, темную кожу и грубый лен, больше похожие на реквизит исторического фильма, чем на одежду. Из-под плаща виднелась рубашка, туго перехваченная широким ремнем. Но больше всего поражали две детали: водопад спутанных темных волос, падавших почти до пояса, и рукоять огромного меча, торчащая за его спиной.

«Съемки, — молнией пронеслось в голове Азалии. — Где камеры?»

Она огляделась по сторонам, ожидая увидеть ассистентов с софтбоксами или режиссера в кепке. Но вокруг были только такие же ошеломленные люди в медицинских халатах и два охранника, неуверенно двинувшиеся вперед.

Мужчина не смотрел по сторонам. Его взгляд, острый и дикий, как у хищника, выхватившего жертву из толпы, был прикован к ней. К ее рукам, все еще сжимавшим иглодержатель.

Он шагнул. Не бежал — двинулся с пугающей, неотвратимой плавностью. Охранник что-то крикнул, но его голос словно растворился в гуле нарастающей паники.

Холодная, обтянутая кожей ладонь с железной хваткой сомкнулась на ее запястье. Боль, резкая и неожиданная, заставила Азалию вскрикнуть. Инструменты с лязгом упали на пол.

— Отпустите! Что вы делаете? Кто вы такой?! — ее голос, обычно такой твердый у операционного стола, сорвался на визг.

Он не отвечал. Тянул ее за собой к стене, где секунду назад была лишь ровная поверхность, а теперь висела... дыра. Не дверь. Разлом в самой реальности, мерцающий, как марево в зной, сквозь который смутно угадывались очертания какого-то другого помещения, пахнущего дымом и сыростью.

Она упиралась, билась, царапала его руку свободной кистью, чувствуя под ногтями жесткую кожу.

— Я не та! Вы ошиблись! Я не та, кто вам нужен! — вы-

крикивала она отчаянно, бессвязно.

И вдруг он остановился. Резко, как будто наткнулся на невидимую стену. Его голова повернулась к ней. Впервые он разглядывал не ее руки, а ее лицо. В его глазах, цвета старого железа, мелькнуло нечто — замешательство, разочарование, ярость. Он всматривался так пристально, что Азалии стало физически больно.

— Ты... не она? — его голос был низким, хриплым, словно не использовался годами.

— Нет! — выдохнула Азалия, чувствуя, как слезы жгут глаза от унижения и страха. — Я врач! Я просто врач!

Железная хватка ослабла и разомкнулась. Он оттолкнул ее, почти швырнул. Она пошатнулась и ударилась спиной о муляж, едва удержавшись на ногах.

Казалось, на этом кошмар закончится. Что этот безумец исчезнет так же странно, как и появился. Но вместо этого его взгляд упал на одного из подбежавших охранников, слишком смелого, схватившего его сзади за плащ. В движении мужчины не было ни капли суеты. Он рванул плечом, плащ соскользнул, и в следующее мгновение меч был уже в его руке. Не слепящая сталь, как в кино, а матовая, темная, будто впитавшая в себя всю тьму.

Азалия зажмурилась, ожидая худшего. Раздался не звон стали, а глухой, влажный звук, который она знала слишком хорошо. Звук рассекаемой плоти.

Когда она открыла глаза, охранник лежал на полу, хрипя,

с ужасной зияющей раной на плече. Кровь, алая и неприлично яркая на белом кафеле, быстро растекалась лужей.

Мужчина повернулся к ней. На его лице не было ни злобы, ни торжества. Только холодная, будничная необходимость.

— Зашей его, — бросил он, кивнув на раненого. Голос не допускал возражений.

В Азалии что-то щелкнуло. Паника, страх, непонимание — все это сгорело в одно мгновение под вспышкой профессионального инстинкта. Перед ней был не монстр и не актер. Перед ней был пациент. Умиравший пациент.

— Аптечку! Срочно! — крикнула она уже своим, командным тоном, заставляя вздрогнуть замерших в ступоре людей. Она сорвала с муляжа упаковку стерильной нити, нагнулась над охранником, пальцы сами нашли нужное положение. Мир сузился до раны, до сосудов, которые нужно лигировать, до краев, которые нужно совместить. Она работала молча, стремительно, отсекая всё лишнее. Даже мелькнувшая мысль «это же нападавший» не имела значения. Он был ранен. Она — врач.

Последний узел. Она перерезала нить и подняла взгляд. Мужчина все это время стоял и смотрел. Теперь в его взгляде читалось нечто новое — оценивающее, заинтересованное.

Прежде чем кто-либо успел что-то сказать или сделать, он нагнулся, подхватил упавшие ее инструменты, а затем... сунул их в складки своего плаща у пояса. Они просто исчезли, будто провалились в карман другого измерения. Потом он

сделал шаг к ней.

— Нет! — успела выкрикнуть Азалия.

Но он уже схватил ее. Не за руку, а перекинул себе через плечо, как мешок с зерном. Мир перевернулся с ног на голову. Она снова закричала, била его по спине, но его мышцы были тверды, как камень. Он неся к тому же мерцающему разлому у стены. Крики людей, сигнал тревоги — все смешалось в отдаленном гуле.

Последнее, что увидела Азалия, прежде чем тьма и странный запах чужого мира поглотили ее, — это белый пол лекционного зала, испещренный алыми каплями, и лицо второго охранника, искаженное немой ужасом.

А потом была только тряска бега, свист ветра в ушах и одна четкая, леденящая мысль, пробивающаяся сквозь панику: «Он взял инструменты. Он взял меня. Значит, его пациенты еще впереди».

#Наследница Ветра и Клинка #

Глава 2

Пространство вокруг завертелось, загудело в ушах. Это было похоже на падение в лифте, длившееся всего секунду, но выворачивающее внутренности. Азалия зажмурилась от приступа тошноты. Когда тряска прекратилась и она осмелилась открыть глаза, она лежала на холодном, неровном каменном полу, а не на его плече.

Он стоял рядом, спиной к ней, и смотрел на что-то впереди. Его плащ чуть колыхался в странном, беззвучном потоке воздуха, исходившем от... от того самого разлома. Теперь он висел в пустоте темного подземелья (а это точно было подземелье – сырые стены, тусклый свет факелов где-то вдали) и медленно, словно затягиваясь, сужался, пока не исчез с тихим щелчком. Последняя связь с ее миром, с белым лекционным залом и охранником, которому она только что спасла жизнь, оборвалась.

Азалия отползла на несколько шагов, нащупывая спиной стену. Ее руки тряслись, но разум лихорадочно искал опору. Рациональное объяснение. Должно же оно быть.

Ее взгляд упал на сумку – ее собственную дорожную сумку из мягкой кожи, валявшуюся рядом. Она машинально потянулась и прижала ее к груди. Внутри – паспорт, телефон, кошелек, косметичка. Обычная жизнь, уместившаяся в один аксессуар.

Хорошо, что сумку прихватила, — пронеслась абсурдная, успокаивающая мысль. Отсюда позвоню. Сразу в полицию. И в консульство. Это же похищение, международный инцидент.

Она украдкой посмотрела на похитителя. Он что-то бормотал себе под нос, водя пальцами по воздуху там, где только что был портал. На его руке она разглядела странные синеватые узоры, словно татуировки, которые на мгновение слабо вспыхнули и погасли.

— Я... я все понимаю, — сказала Азалия, и ее собственный голос прозвучал незнакомо, слишком громко в этой тишине. — Вы... вы на съемочной площадке. Я не буду мешать.

Он медленно повернул голову. В свете далеких факелов его лицо казалось вырезанным из shadow.

— Вы случайно поранили человека, — продолжала она, набирая обороты, чувствуя, как эта версия становится все правдоподобнее. — Испугались скандала, суда. Я видела такое. Поэтому... поэтому вы так резко. Но это лишнее! Совершенно лишнее!

Она встала, отряхивая колени, пытаясь придать себе вид делового, понимающего профессионала, а не перепуганной жертвы.

— Вам нужен был хирург, чтобы все зашить и не оставить следов, да? Вы нашли его. То есть меня. Все меняет? Отлично. Я все сделаю. Аккуратно, чисто. Никаких рубцов, — она

сделала паузу, глядя ему прямо в глаза, стараясь не моргнуть. — И я ничего никому не скажу. Ни режиссеру, ни полиции, ни прессе. Молчок. Договорились?

Она даже попыталась изобразить что-то вроде улыбки. Сделки. Договор. Это был язык, который она понимала. Явки и поборы в больничных поставках, согласования с комиссиями — все через негласные договоренности.

Мужчина смотрел на нее. В его железных глазах не было ни понимания, ни насмешки. Был лишь тяжелый, утомленный взгляд человека, который слышит лай мелкой, не понимающей сути происходящего собачки.

— Договорились? — еще раз, уже почти с отчаянием, повторила Азалия.

Он резко развернулся и пошел прочь по узкому коридору, даже не удостоив ее ответом.

— Эй! Я с вами разговариваю! Куда вы? — она бросилась за ним, спотыкаясь о неровности пола. Сумка болталась на ее плече, глупо стуча по бедру.

Он не останавливался. Он просто шел, и Азалии, чтобы не потерять его в полумраке, пришлось бежать рысцой. Коридор извивался, пахло плесенью, сырой землей и чем-то еще — сладковатым и гнилостным, как старая повязка. Ее рациональная версия о съемках трещала по швам с каждым шагом. Ни камер, ни проводов, ни осветительных приборов. Только камень, тьма и звук их шагов.

Наконец, он остановился перед тяжелой деревянной две-

рю, окованной черным металлом. Без ключа, без стука – он просто толкнул ее плечом, и дверь с скрипом поддалась.

Он шагнул внутрь и жестом велел ей следовать.

Сердце Азалии бешено колотилось. Он покажет мне «актера», которого нужно зашить. Или реквизит. Сейчас я увижу гримерку, парикмахеров...

Она переступила порог.

И ее мир окончательно рухнул.

Это была не гримерка. Это была больничная палата, сошедшая со страниц кошмарного средневекового трактата. Вдоль стен на грубых топчанах, застланных грязной холстиной, лежали люди. Или то, что от них осталось. Повсюду были бинты, когда-то белые, а теперь в коричневых и багровых подтеках. В воздухе висел густой, удушливый запах – смесь крови, гноя, дыма и какого-то резкого травяного отвара, который не мог перебить первые два.

Азалия замерла на пороге, охваченная ледящим ужасом, по сравнению с которым страх в лекционном зале казался легким испугом.

Мужчина обернулся к ней. Впервые за все это время он что-то сказал, обращаясь непосредственно к ситуации. Его низкий голос прозвучал в гробовой тишине палаты, где стоны были приглушенными, а взгляды – потухшими.

— Вот они, — произнес он просто, как констатацию факта. — Мои пациенты.

И он вытащил из складок плаща ее иглодержатель и упя-

ковку стерильной нити. Инструменты, украденные из другого мира, легли на его ладонь, холодные и беспомощные, как и она сама.

Рана на плече охранника, зияющая, но свежая и чистая, была детской царапиной по сравнению с тем, что она видела здесь. Это были последствия настоящих битв. Рубящие раны, колотые, рваные. Гангрена. Воспаления, от которых воздух звенел жаром.

Ее «договор», ее надежда на «съемочную площадку» испарились, как дым. Перед ней лежала жестокая, неприкрытая реальность, в которой не было места для звонков в полицию. Была только кровь, страдание и мужчина с мечом, который привел ее сюда, чтобы она делала то, что умеет.

Он смотрел на нее, ожидая. В его взгляде больше не было замешательства. Была только усталая, безжалостная необходимость.

Азалия медленно, как в трансе, сделала шаг вперед. Потом другой. Она не смотрела на него. Она смотрела на ближайшего раненого — молодого парня с бледным, восковым лицом и грубо перевязанным культией на месте кисти.

Ее пальцы сами потянулись к сумке. Не за телефоном. За маленькой фляжкой со спиртом для рук, которую она всегда носила с собой. Механический жест. Ритуал перед операцией.

— Мне потребуется кипяченая вода. Чистые, проглаженные тряпки. И... и свет. Мне нужно больше света, — произ-

несла она, и ее голос, тихий, но уже без истерики, прозвучал не как просьба, а как приказ в новом, страшном операционном зале.

Глава 3

Ее пальцы, привыкшие к тончайшему капрону и стерильному латексу, теперь работали с грубыми, прокаленными над огнем бинтами. Каждый шов, наложенный в этом душном аду, был битвой. Битвой с инфекцией, с примитивными условиями, с собственным отчаянием. Она оперировала, чистила, ампутировала, движимая уже не страхом, а холодной, яростной профессиональной яростью. Яростью против этой бессмысленной бойни, против боли, наполнявшей палату. Ее инструменты, сверкавшие островки чужого мира, стали единственным лучом надежды в этом царстве тьмы.

Командир, чье имя она уловила как «Кайл» из уст одного из помощников, не отходил далеко. Он приносил то, что она просила: воду, тряпья, крепкий алкоголь вместо антисептика. Он без слов ставил факелы ближе, отгонял назойливых мух. Его молчаливое присутствие было не угрозой, а суровой гарантией: здесь ее приказ — закон.

И вот последняя повязка закреплена. Последний из тех, кого еще можно было спасти, погрузился в тяжелый, но не предсмертный сон. Тишина палаты, прерываемая теперь лишь ровным дыханием, была ее победой. Азалия отступила к стене, чувствуя, как адреналин отступает, а на его место приходит дрожь истощения. Ее одежда была в пятнах, руки тряслись.

Именно тогда Кайл подошел к ней. Он не сказал «спасибо». Его железный взгляд оценивающе скользнул по утихшей палате, затем остановился на ней.

— Теперь, — произнес он глухо, — пойдем.

Он не повел ее к выходу. Он повел ее вглубь подземелья, через потайную дверь, скрытую за ковром, в небольшую, слабо освещенную келью. На узкой кровати лежала молодая женщина. Ее лицо было бледно и покрыто испариной, но черты — утонченны и прекрасны. А на плече, сквозь разрез тонкой ночной рубашки, зияла знакомая, немилосердно точная рана — та самая колото-рваная, которую Азалия защищала охраннику в другом мире.

Рядом с кроватью, в простом, но чистом кресле, сидел мужчина. Его осанка, даже в состоянии полного изнеможения, излучала неоспоримую власть. Взгляд, полный беспокойства и боли, был прикован к лицу женщины. Азалия поняла это мгновенно, даже прежде, чем Кайл, склонив голову, произнес:

— Его Величество Император. — Командор Кайл, — голос Императора был тихим, но в нем висела сталь. — Ты привел... ее? Тую, что исцелила стражника из иного мира?

— Да, государь. Точность раны... идентична. Только та была свежей, а эта... — Кайл не договорил, но Азалия видела: рана императрицы была в запущенном состоянии, края воспалены, начиналось заражение крови. В таких условиях даже в ее мире счет шел бы на часы.

— Ты уверен в ней? — Император поднял глаза на Азалию. В них не было ненависти, лишь тяжелая гора ответственности и бездонная тревога.

Кайл сделал шаг вперед, его тень накрыла Азалию. — Я видел, как она работала. Видел ее инструменты. Видел, что она спасла там, откуда никто не возвращался. — Он повернулся к Азалии, и в его взгляде впервые появилось что-то, кроме усталой необходимости. Была тень апелляции. Почти просьба. — Это Агата, наша Императрица. Язва на ее ране — магическая отравка. Наши лекари бессильны. Ты... ты можешь сделать то же, что сделала там?

Весь ужас, вся ярость, весь профессиональный навык сконцентрировались в Азалии в одну точку. Она смотрела на бледное лицо Императрицы, на муку в глазах Императора, на суровую надежду в лице командора, который украл ее, чтобы спасти свою госпожу.

Она больше не думала о полиции. Не думала о возвращении. Она думала о ране. О яде. О скальпеле.

Она стянула с плеча свою сумку, уже затасканную и запачканную, но все еще — ее арсенал. — Мне нужен самый крепкий алкоголь, что есть. Чистейшее льняное полотно. Кипяток. И все свет, что вы можете собрать в этой комнате. — Она подошла к кровати, ее голос звучал холодно и четко. — И удалите всех, кроме одного помощника. И... вас, командор. Вы будете держать свет.

Император, после мгновения колебания, кивнул. Его до-

верие было последним и самым тяжелым грузом.

Когда комната наполнилась светом десятка свечей и факелов, Азалия выдохнула. Она протерла руки остатками спирта из фляжки, взяла в дрожащие, но уже твердеющие пальцы иглодержатель.

Она посмотрела на Кайла, стоявшего у изголовья с факелом в руке, его лицо было подобно каменной маске. — Вы сказали, что если я вылечу ее, то отведете к «Небесным вратам». Это... путь домой?

Он медленно кивнул, не отрывая глаз от лица Императрицы. — Это путь. Обещание — долг.

Азалия кивнула в ответ. Договор был заключен. Но теперь это был не договор испуганной жертвы с похитителем. Это был договор хирурга. Ее плата — не молчание, а шанс на возвращение. Ее услуга — не сокрытие преступления, а спасение жизни.

— Тогда начинаем, — тихо сказала она, наклоняясь над раной Императрицы Агаты. Вокруг царила тьма подземелья, пахло кровью и надеждой, а в ее руках блестела сталь, пришедшая из мира, где не было магии, но было умение бороться со смертью до конца.

"Пепел твоей невесты"

Глава 4

Азалия приказала, и подземная капелла превратилась в импровизированную операционную. Свет факелов и свечей отбрасывал пляшущие тени на стены, но руки Азалии, освещенные ярким лучом ее собственного телефона, включенного в режиме фонарика, двигались с холодной точностью. В сумке, среди профессионального инструмента, она нашла чудо: небольшую пластинку антибиотиков широкого спектра и упаковку мощных анальгетиков. Остатки из ее походной аптечки. Капли в океане по меркам ее мира, но здесь — возможно, единственный шанс.

Работа была адской. Ей пришлось иссечь некротизированные, пропитанные странным лиловым налетом ткани. Каждый разрез заставлял Императрицу стонать, даже в беспамятстве. Азалия работала почти вслепую, полагаясь на осязание и скудный свет. Кайл не шелохнулся, держа два факела высоко и прямо, как живой канделябр. Его лицо в свете пламени казалось высеченным из гранита, только в глубине глаз мерцало напряженное ожидание.

Император наблюдал из темного угла, и его тишина была громче любого крика.

Наконец, рана была очищена, промыта остатками алкоголя, сшита стерильными нитями из ее набора. Азалия растворила таблетку антибиотика в воде и с помощью Кайла, осто-

рожно приподнявшего голову Агаты, влила ей в рот. Затем дала половинку обезболивающего.

— Вода. Только чистая. И менять повязки каждые несколько часов, — голос Азалии был хриплым от усталости. — И никаких их зелий и припарок. Только то, что я сказала.

Император молча кивнул. Его благодарность была слишком огромной для слов.

Последующие дни слились в один бесконечный цикл бдения. Азалия жила в крошечной смежной комнатке, не отходя от пациентки. Она дремала урывками, просыпаясь от каждого шороха, чтобы проверить пульс, температуру, состояние раны. Кайл приходил молча, принося воду, еду, чистые тряпицы. Иногда он просто стоял на пороге, его молчаливое присутствие — единственная постоянная в этом подземном хаосе.

На вторые сутки жар у Агаты начал спадать. На третьи — она открыла глаза. Мутные, невидящие, но живые.

Именно тогда, поздно ночью, когда Азалия меняла повязку при свете своего телефона, в дверях появился Кайл.

— Время уходит, — сказал он глухо, без предисловий. — Небесные врата — не просто портал. Они цикличны. Пик их активности — на рассвете через три дня. После они закроются. Надолго. Возможно, на годы.

Он сделал шаг внутрь, и его фигура заполнила дверной проем.

— Я дал слово. И я его сдержу. Но путь к Вратам опасен. Его сторожат не только твари извне, но и... те, кто не хочет, чтобы тайна Императрицы стала известной. Враги короны ждут любого шанса.

Азалия не отрывала взгляда от ровного дыхания спящей теперь Агаты.

— Она стабильна. Но слаба. Ей нужен еще недельный курс... которого у меня нет.

— У тебя есть то, что есть, — отрезал Кайл. — И у меня есть три дня, чтобы доставить тебя к Вратам. Мой долг перед тобой — вернуть. Но мой долг перед Империей... требует, чтобы она жила. — Он помолчал. — Закончи здесь. Научи их, что делать. Составь инструкцию. Но с рассветом послезавтра мы уходим.

Он повернулся, чтобы уйти, но бросил через плечо: — И береги тот светящийся артефакт. В темноте, что ждет нас впереди, он может быть ценнее меча.

Дверь закрылась. Азалия опустилась на стул, сжимая в потных ладонях корпус телефона. На экране, погасшем от экономии заряда, отразилось ее лицо — изможденное, с темными кругами под глазами, но с новым, стальным блеском в глубине зрачков.

Она посмотрела на спящую Императрицу. На чистую, почти затянувшуюся рану. Потом на свою сумку с крохами из другого мира.

Три дня. Чтобы завершить чудо. Чтобы написать руковод-

ство по выживанию на клочке пергамента. Чтобы доверить жизнь этой женщины людям, чья медицина застряла в средних веках.

И чтобы подготовиться к дороге домой, которая пролегла через самое сердце тьмы этого мира.

Она взяла перо и начала писать. Каждая буква давалась с трудом, но была выверена и точна, как шов. Доза, частота, признаки улучшения и симптомы осложнений. Пока она писала, в голове уже строился план: что взять с собой, как сохранить заряд в телефне, как использовать оставшиеся таблетки не только как лекарство, но, возможно, и как валюту или оружие.

Она закончила писать на рассвете. Положила листок рядом с кроватью Агаты. Потом открыла сумку и выложила на стол последнее: две таблетки антибиотика, три обезболивающих, рулон пластыря, маленькие ножницы.

Остальное — скальпели, зажимы, иглы — она аккуратно уложила обратно. Это был ее инструмент. Ее оружие. Ее пропуск домой.

За дверью слышались шаги. Время вышло.

Азалия вздохнула, погасила фонарик на телефоне и поднялась. Ее путь лежал из этой душной комнаты спасения — в холодные, неизвестные туннели, ведущие к Небесным вратам. К обещанию. К дому.

К финальной битве, где ставкой была уже не чужая жизнь, а ее собственная.

Глава 5

Долг, данная клятва и свет из иного мира

Впервые он увидел её в тот миг, когда пространство в старом зеркальном зале содрогнулось и выплюнуло нарушительницу. Она лежала на холодном камне, в странной, облегающей и немыслимо тонкой одежде цвета ночной сини. Её сумка валялась рядом. В руке она сжимала какой-то маленький мерцающий прямоугольник.

И Кайл, привыкший к красоте придворных дам, к утонченности Императрицы, на миг застыл. Это была иная красота. Красота невиданного зверя или павшего ангела. Лицо — резкое, с высокими скулами и тонкими бровями, искаженное шоком, но всё равно совершенное в своей чужеродности. Волосы, темные и длинные, беспорядочно падали на лоб. И глаза... Когда она подняла их, встретив его взгляд полный ужаса и ярости, он увидел в них не драгоценные камни, а сталь. Сталь и бездонную, холодную глубину чужого неба.

Но поразила его не столько красота, сколько то, что случилось дальше. Когда его люди притащили раненого стражника, того самого, что стоял на посту у зеркал, и бросили его к её ногам, её лицо изменилось. Страх отступил, будто его смыло ледяной волной. В её движениях не осталось ни грамма нерешительности. Она рванулась к раненому, её пальцы, тонкие и быстрые, уже летали над страшной рваной раной,

оценивая, анализируя.

И потом... потом было шоу холодной, бездушной магии. Но не магии его мира, не со взмахами рук и заклинаниями. Это была магия тишины, концентрации и блестящей стали. Он видел, как её инструменты, непохожие ни на что из известного ему, рассекали плоть, сшивали её, останавливали кровь. Она работала в луже крови, не обращая внимания на грязь, её лицо было сосредоточенным и страшным в своей отрешенности. Это была не целительница, творившая благо. Это была хирург, ведшая безмолвную войну со смертью. И она выиграла.

Именно тогда в его голове созрел безумный план. Императрица умирала. Их лекари разводили руками, бормоча о «неизлечимой магической гнили». А здесь, перед ним, была женщина, только что победившая идентичную рану.

Он взял её. Жестоко, без объяснений. Он закутал её в плащ, чтобы скрыть её невероятную одежду и лицо, которое нельзя было забыть. Он отдал приказ своим самым верным людям — тем немногим, кому можно доверять в осажденной цитадели: «Ни слова. Никто не должен знать, откуда она. Для всех она — молчаливая целительница из дальних земель, нанятая мной. Её внешность — наша тайна и её защита».

Он знал, почему. Враги Империи, те, что устроили покушение на Агату, были безжалостны и изобретательны. Женщина, способная исцелить «неизлечимое», стала бы для них первостепенной мишенью. Её либо попытались бы украсть,

чтобы выпытать секреты её «магии», либо убили бы, чтобы лишить Императора последней надежды. Её странность, её красота, её сила — всё это делало её смертельно интересной.

Потом, в душной палате, где она спасала его солдат, он наблюдал. Он видел её ярость, её истощение, её непоколебимую волю. И что-то в нём, очерстевшем за годы войны и службы, дрогнуло. Это не была жалость. Это было... уважение. И огромная тяжесть сделки, которую он предложил.

Объяснение Императору было кратким и жестким, как удар меча. Он стоял в тронной зале, опустив голову, но не склоняя колен. — Государь, женщина, которую я привел, — не из нашего мира. Она прошла сквозь Небесные врата. Она — говорит что она, хирург. Её методы чужды, но они работают. Я видел. Она спасла солдата с точно такой же раной, как у Её Величества. Император вглядывался в него, глаза полные боли и подозрения. — И чего она хочет? Золота? Земель? — Она хочет вернуться, — просто сказал Кайл. — Домой. Через те же Врата. — И ты обещал ей это. — Да. Я дал слово. «Исцели Императрицу, и я отведу тебя к Вратам». Это был договор. Её услуга в обмен на мое обещание. Император молчал. Гнев, отчаяние, надежда боролись в нём. — Ты ставишь её возвращение выше возможной нужды в ней здесь? Она может понадобиться снова! Кайл поднял голову, встретив взгляд своего повелителя. — Государь. Я — Командор Императорской гвардии. Мой долг — защищать Империю и корону. Я украл её, чтобы спасти Императрицу, потому что

это служит долгу. Но я также — рыцарь. Мое слово — это всё, что у меня есть. Если я нарушу его ради удобства, даже ради безопасности Империи, кем я тогда буду? Человеком, чьему слову нельзя верить. Оружием без чести. — Он сделал паузу, его голос стал тише, но твёрже. — И она... она не солдат. Не рабыня. Она воин, но её поле битвы — иное. Удерживая её здесь силой, мы не получим союзника. Мы получим пленника, чья воля сломается, а с ней исчезнет и её дар. Она вылечит Агату. И я отведу её к Вратам. Потому что я дал слово. И потому что это правильно.

В ту ночь, когда он вел её через потайные ходы, он чувствовал тяжесть этого слова на своих плечах. Он охранял её не только от внешних угроз, но и от любопытства своих, от алчности придворных, от страха суеверных. Он скрывал её светящийся артефакт, её странные инструменты, даже звуки её чужой речи.

И теперь, когда он стоял у порога, давая ей последние три дня, он смотрел на её согнутую спину, на дрожащую руку с пером. Он видел не просто ключ к спасению Агаты. Он видел женщину, которая, оказавшись в аду, не сломалась, а принялась в нём приказывать. Которая платила за свою свободу не лестью или хитростью, а мастерством и кровью.

Он сдержит слово. Он проведет её через адские туннели к Вратам, даже если для этого придётся проложить дорогу через горы врагов. Потому что это был его долг. И потому что где-то в глубине души, закованной в сталь дисциплины,

ему хотелось, чтобы этот свет из иного мира — этот свет ярости, мастерства и чести — не гас в темноте его мира, а вернулся туда, откуда пришел. Целым и невредимым.

Глава 6

Дорога к Вратам была адом. Кайл выбрал самый короткий, самый опасный маршрут – через узкое Лесное ущелье, кишашее бандитами и, по слухам, наёмниками тех самых врагов, что нанесли удар по Императрице. Но иного выбора не было: времени было в обрез, а основные пути контролировались или патрулями, в верности которых Кайл сомневался, или были отрезаны боевыми действиями.

Она шла за ним молча, закутанная в тёмный плащ с капюшоном, натянутым так низко, что видны были лишь кончик носа и сжатые губы. Но он чувствовал её присутствие за спиной – лёгкое, настороженное, как у загнанного зверя, который уже знает все клетки своего заточения и вот-вот рванётся к свободе. Этот тихий шаг, это сдержанное дыхание резали его глубже, чем крики врагов.

Враги нашли их на рассвете третьего дня, когда первые лучи солнца только начинали пробиваться сквозь густой туман, стелющийся между древними соснами. Их было пятеро. Не простые разбойники. Их доспехи, хоть и потрёпанные, несли следы единого герба, их движения были слаженными, а взгляды – холодны и профессиональны. Наёмники. Те самые.

Кайл не стал ждать нападения. Он мягко оттолкнул её за ствол массивного поваленного дерева, покрытого мхом и

хвоей. — Не двигайся. Не выглядывай, — его голос был тихим, но в нём не было места для возражений. В его глазах, встретивших её испуганный, но яростный взгляд из-под капюшона, мелькнуло что-то короткое и жёсткое — обещание. Или приказ.

Затем он развернулся к приближающимся теням. Его длинный меч с лёгким шипящим звуком выскользнул из ножен. В тумане клинок казался бледным, как кость.

Первый наёмник атаковал с рёвом, рассчитывая на силу. Кайл парировал удар почти небрежно, и его контратака была подобна удару змеи — быстрой, точной, смертельной. Меч вошёл под подбородок, вышел у затылка. Кайл не стал выдергивать клинок, а использовал тело падающего врага как щит, приняв на него удар второго. Тот, споткнувшись о товарища, на миг открылся. Хватило мига. Меч Кайла, освободившийся, описал короткую, смертоносную дугу, перерезав горло.

Остальные трое отступили, осознав, что имеют дело не с простым проводником. Они окружили его, пытаясь атаковать с разных сторон. Туман и лесная чаща работали на Кайла, мешая им действовать сообща.

Это был не поединок. Это была бойня. Бойня, которую Кайл вершил с ледяной, безжалостной эффективностью. Он не фехтовал. Он убивал. Каждое движение было рассчитано на одно — нанести максимальный урон, сохранить силы, устранить угрозу. Он использовал стволы деревьев, камни,

тела. Его меч резал сухожилия, вонзался в пах, находил щели между пластинами доспехов. Он не издавал ни звука, кроме сдержанного выдоха при ударе и хрипа врагов. В его глазах не было ни ярости, ни азарта. Только пустота и предельная концентрация машины смерти.

Она, прижавшись к шершавой коре дерева, зажмурилась. Но звуки доносились до неё с чудовищной чёткостью. Хлюпающий звук стали, входящей в плоть. Тупой стук тела о землю. Предсмертный хрип, обрывающийся на полуслове. И этот ужасающий звук – звук удара, когда Кайл, обездвижив последнего наёмника ударом эфеса в висок, без тени колебания вонзил меч ему в сердце. Тишина, наступившая после, была гуще тумана и страшнее любого крика.

Кайл стоял среди тел, его плащ был забрызган тёмными пятнами. Он тяжело дышал, пар вырывался из его рта клубами в холодном воздухе. Он медленно вытер клинок о плащ одного из мёртвых, и только тогда повернулся.

Он увидел её. Она не выглядывала. Она сидела, прижавшись спиной к дереву, колени подтянуты к груди, лицо скрыто в скрещенных на коленях руках. Её плечи мелко, предательски вздрагивали.

Кайл замер. Вся его холодная ярость, вся боевая готовность мгновенно ушли, сменившись острой, непривычной беспомощностью. Он видел смерть каждый день. Привык к ней. Но она... она была из мира, где, как он понимал по её инструментам и знаниям, смерть, возможно, была стериль-

ной, отдалённой, заключённой в границы операционной. Не этой грязной, кровавой, грубой реальности его мира.

Он медленно, стараясь не издавать резких звуков, подошёл и опустился перед ней на корточки. Запах крови и пота от него был резким. — Эй, — его голос, обычно такой твёрдый, прозвучал неестественно тихо, с хрипотцой. — Всё кончено.

Она не ответила, лишь сильнее сжалась в комок.

Кайл колебался лишь мгновение. Затем он осторожно, будто боясь обжечься, обхватил её. Не как любовник, а как солдат, укрывающий товарища от обстрела. Одной рукой он прижал её голову к своему плечу, другой – обхватил её согнутую спину. Он чувствовал, как всё её тело напряжено, как мелкая дрожь бежит по нему волнами. — Всё в порядке, — бормотал он, не находя других слов. — Они не тронут тебя. Я здесь. Тихо. Дыши.

Он гладил её спину через толстую ткань плаща, медленные, успокаивающие движения. Постепенно её дыхание, сначала прерывистое и частое, начало выравниваться. Дрожь пошла на убыль. Она не обнимала его в ответ, не плакала. Она просто позволила ему держать себя, как якорю в кровавом море ужаса, которое её накрыло.

Он сидел так, не двигаясь, ощущая её хрупкость под своими грубыми руками. Он защищал её от клинков, но не мог защитить от этого. От звуков. От запаха. От знания, что её свободу купили вот такой ценой. Его честь была чиста – он

сражался за их жизни. Но её душа... её душа была теперь отмечена этим днём.

— Извини, — прошептал он ей в волосы, и в этом слове была вся тяжесть его выбора, его мира, его долга. — Мне жаль, что тебе пришлось это видеть.

Она медленно отстранилась. Её лицо было бледным, но сухим. Глаза, огромные и тёмные, смотрели на него не с укором, а с каким-то новым, горьким пониманием. Она увидела не только убийцу. Она увидела цену его обещания. Цену её возвращения домой.

Она кивнула. Всего один раз. Коротко и твёрдо. Не прощая. Принимая.

Кайл помог ей подняться. Его рука ещё на миг задержалась на её локте, прежде чем он отпустил её. — Врата близко, — сказал он, и его голос снова стал командорским, но в нём уже не было прежней стальной безличности. Была усталость. И решимость довести дело до конца. — Идём.

Глава 7

Врата, огромные и древние, изъеденные временем и магией, стояли на краю обрыва. За их арочным проёмом клубился туман иного мира – её мира. До них оставалось меньше сотни шагов. Но эти шаги преградил он.

Капитан городской стражи, Хелгар, человек с холодными глазами и властью, почти равной императорской в этих пограничных землях, опередил их. Он развернул свой отряд – два десятка бойцов в полированной броне – прямо перед каменными плитами, ведущими к portalу. У него была информация. Точно знал, кого ведёт Кайл.

— Этого не должно было случиться, — прошептал Кайл себе под нос. Он остановился, мягко отодвинув её за себя.

— Капитан Хелгар. Дорога свободна, — громко сказал Кайл, его голос прозвучал неестественно спокойно. — Пропустите нас. Указ за печатью Императрицы.

— Указ устарел, наёмник, — Хелгар усмехнулся, не двигаясь с места. Его взгляд скользнул по закутанной в плащ фигуре. — Лекарь из-за Врат слишком ценен, чтобы отпускать. Её знания нужны здесь. Ситуация изменилась. Императрица... не в том положении, чтобы спорить.

Кайл почувствовал, как у него похолодели пальцы. Он шагнул вперёд, оставляя её в шаге от спины. — Я дал слово провести её к Вратам. Клятву. — В его голосе зазвенела

сталь. — Отойди.

— Твоя клятва ничего не стоит против воли Короны, — раздался новый, властный голос.

Из-за рядов стражи вышел не Хелгар. Из-за камней, как тень, материализовался сам Император, бледный, с тёмными кругами под глазами, но с непреклонным взглядом. За ним, словно призраки, встали его личные охранники, одетые в чёрное. Кайл почувствовал, как земля уходит из-под ног. Ловушка была расставлена куда тоньше, чем он мог предположить.

— Лекарь остаётся, — отрезал Император, не глядя на Кайл, его глаза были прикованы к дрогнувшей фигурке в плаще. — Её умения – последняя надежда. Никто не покинет Империю, покуда я жив. Особенно тот, кто может спасти жизнь.

Помощник Императора, сухопарый мужчина с лицом писца, выступил вперёд и тихо, но отчётливо добавил, обращаясь лично к Кайлу: — Капитан Кайл из рода Валленров. Если слушаешься... твой род будет объявлен изменниками. И истреблён. До последнего. А в живых, если мне не изменяет память, осталась лишь твоя мать, придворная дама Элиана Валленр. Её судьба – в твоих руках. Выбери: чужой врач... или своя кровь.

Слова вонзились в Кайл глубже любого клинка. Перед глазами встало лицо матери – усталое, гордое, единственное, что осталось от его семьи. Он чувствовал дыхание девушки

у себя за спиной, её тихий, прерывивый вздох отчаяния. Он слышал нарастающий гул Врат – портал начинал закрываться, его сияние меркло.

Долг. Честь. Слово. Мать.

Его мысли разрывались на части, кричали в немом ужасе. Он видел, как её рука потянулась к Вратам, к ускользящему свету дома. И в этот миг его тело приняло решение раньше разума.

Он рванулся назад, не к Императору, не к Хелгару, а к ней. Его железная рука схватила её за предплечье, резко, грубо, оттаскивая от мерцающего проёма, который уже сужался, как закрывающийся глаз.

— Нет! — её крик был полон такой животной боли и предательства, что у него свело желудок.

Он удерживал её, не давая сделать шаг в погасающий туман. Она вырывалась, ударила его кулаком в грудь, но он был недвижим, как скала, его лицо – каменная маска, за которой бушевало чистилище.

Врата захлопнулись. Последняя вспышка света озарила её лицо, искажённое яростью и горем, и его – опустошённое. Гул стих. Осталась только тишина, ветер с обрыва и полукруг врагов.

Она отшатнулась от него, как от прокажённого. Слёзы текли по её щекам, но в глазах горел холодный, абсолютный огонь. Она увидела на земле его меч, который выронила в борьбе.

— Ты... ты обещал, — прошептала она, и каждый звук был как осколок стекла. — Лжец. Трус. Тварь!

Она наклонилась, схватила тяжелый клинок обеими руками и, рыдая от бессилия, с размаху ткнула его в него. Она не умела фехтовать. Это был не удар, а жалкий, отчаянный толчок.

Острие меча уперлось в его кожаную кирасу, чуть ниже солнечного сплетения, но не пробило её, лишь соскользнуло, оставив царапину.

Кайл даже не вздрогнул. Он смотрел на неё, и в его глазах не было ни гнева, ни оправдания. Только бесконечная усталость и та же горечь понимания, что и в лесу.

Он медленно поднял свою руку и положил её поверх её дрожащих пальцев, всё ещё сжимавших эфес. Его ладонь была тёплой и шершавой. Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты хотела воткнуть его? — его голос был тихим и хриплым. — Так сделай это как следует.

И прежде чем она успела понять, он с резким, мощным движением надавил своей рукой поверх её, направив острие точно в стык между пластинами доспеха на своём животе.

Раздался мягкий, ужасный звук разрезаемой кожи и мышц. Сталь вошла глубоко.

Она вскрикнула, отпустив эфес, как будто он обжёг её. Кайл пошатнулся, но не упал. Он сжал зубы, и из его горла вырвался сдавленный стон. Его рука осталась лежать на рукояти меча, торчащего из его тела. Тёмное пятно быстро

расползалось по коже и коже.

— Вот... — выдохнул он, глядя на её побелевшее от ужаса лицо. — Теперь мы квиты. Ты свободна... от долга благодарности. А я... — он кашлянул, и на его губах выступила алая пена, — я спас мать.

Император и Хелгар замерли в ошеломлённом молчании, наблюдая за этим невыносимым актом отчаяния и искупления. Кайл медленно, очень медленно опустился на колени, потом на бок, всё ещё сжимая рукоять своего меча, вонзённого в него самой женщиной, которую он поклялся спасти и которую предал.

Он лежал на холодном камне, глядя в серое небо, слушая, как её рыдания смешиваются с воем ветра. Боль была острой и чистой. Она смывала грязь предательства. Последнее, что он видел перед тем, как сознание поплыло, — её глаза, полные не ненависти уже, а всепоглощающего ужаса и прощания. Цена была оплачена. Всею его кровью.

Глава 8

Время замерло. Крик, который вырвался из её горла, не был ни словом, ни рыданием. Это был первобытный звук рабы, куда более глубокой, чем та, что она только что нанесла.

Он лежал на камнях, дыша прерывисто, хрипло. Меч в его животе поднимался и опускался в жутком ритме. Император и его люди застыли, поражённые этим актом самоуничтожения. Для них это была сцена из варварской саги, не имеющая к реальности отношения.

Но для неё это была единственная реальность.

"НЕТ!"

Этот крик снова вырвался, уже осознанный, полный ярости не на него, а на всё — на Императора, на судьбу, на Врата, на его идиотскую, благородную, чудовищную жертву. Она бросилась к нему, споткнулась о камень, упала на колени рядом с ним. Её руки, только что державшие эфес меча, теперь затряслись над раной, не смея прикоснуться.

— Что ты наделал? — её голос был сдавленным шёпотом, полным ужаса. — Что ты наделал, дурак! Идиот!

Кайл смотрел в небо. Взгляд его стал мутным, отрешённым. Он выполнил долг. Заплатил цену. Можно было отпустить. Темнота звала, обещая конец боли, конец выборов, конец предательства.

— Кайл! — она резко шлёпнула его по щеке, не сильно, но

достаточно, чтобы его взгляд на мгновение сфокусировался на ней. В её глазах не было прощения. Не было благодарности. Был чистый, неистовый гнев. — Не смей! Не смей закрывать глаза! Ты меня слышишь?

Она схватила его за подбородок, заставив смотреть на себя. Её пальцы были в его крови.

— Ты не имеешь права! — она кричала теперь, и слёзы снова потекли по её лицу, но это были слёзы ярости. — Ты не имеешь права бросить меня здесь! Одна! Среди них! Ты предал меня один раз, ты НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА сделать это снова!

Он попытался что-то сказать, но из горла вырвался лишь кровавый пузырь. Его рука, лежавшая на рукояти меча, ослабла.

— Нет, нет, нет, — забормотала она, её голос перешёл в отчаянную, быструю скороговорку, тон лекаря, борющегося за пациента. Она рванула подол своей туники, пытаясь оторвать полосу ткани. — Держись. Ты слышишь? Держись. Ты обещал довести. Ты не довёл. Твоё слово ничего не стоит, пока ты лежишь тут и умираешь, понял? Ничего!

Она надавила тканью вокруг раны, пытаясь остановить кровь. Её движения, сначала панические, стали резкими, точными. Это была её стихия. Смерть, которую нужно обмануть. Но не грязная смерть в лесу, а смерть на её операционном столе. Она вернёт его. Заставит смотреть на то, что он натворил.

— Император! — её голос прорезал воздух, ледяной и командный, совсем не похожий на тот, что был минуту назад. Она не отрывала глаз от Кайла. — Если вы хотите, чтобы я работала на вас, вам нужен он. Живой. Немедленно — носилки, чистые бинты, спирт, кипящая вода, игла с шелковой нитью! Сейчас же! Или я заставлю его умереть, а потом прыгну с этого обрыва, и вашей последней надежде придет конец!

В её голосе была такая стальная убеждённость, такая готовность исполнить угрозу, что Император, поражённый, кивнул своему помощнику. Засуетились. Приказали.

Она снова наклонилась над Кайлом. Её лицо было в сантиметрах от его.

— Ты слушаешь меня, солдат? — прошипела она. — Ты будешь жить. Ты будешь жить, и ты будешь смотреть мне в глаза каждый день. Ты будешь помнить, как захлопнулись Врата. Ты будешь помнить этот меч. Это твоё наказание. Не смерть. Жизнь. Со мной. В этом вашем проклятом мире. Понял?

Его веки снова начали смыкаться. Она снова шлёпнула его.

— Смотри на меня! — приказала она. — Ты не бросаешь меня одну. Это приказ.

В его мутных глазах мелькнула искра. Что-то знакомое. Приказ. Долг. Он слабо, едва заметно кивнул. Его рука дрогнула и упала с рукояти меча в её сторону, пальцы скользнули по её окровавленной руке.

Это было не прощение. Не любовь. Это была капитуляция перед её волей. Перед новой миссией.

Она стиснула зубы, продолжая давить на рану, не сводя с него глаз.

— Хорошо, — прошептала она, больше себе, чем ему. — Вот и хорошо. Теперь держись. Держись ради своей матери. Ради своего долга. Ради моего проклятия. Держись.

И он держался. Пока несли носилки. Пока её уверенные, знающие руки начинали первую, отчаянную процедуру спасения прямо на холодном камне у закрывшихся Врат. Он держался, глядя в её полные решимости, яростные глаза — свой новый якорь, свою новую тюрьму, свою единственную причину не уходить в темноту. Цена не была оплачена до конца. Она только что взвинтила её до небес. И теперь он был должен ей жизнь. Свою собственную.

Глава 9

Её мир сузился до площади окровавленной ткани под ладонями, до хриплого, прерывистого дыхания под ней и до свиста холодного ветра с обрыва. Адреналин ярости, который заставил её кричать и приказывать, начал отступать, оставляя после себя леденящую, кристальную ясность.

Он умирает. Из-за меня. Потому что хотел заплатить. Потому что я позволила ему это сделать.

Мысль ударила, как пощёчина. Она сжала зубы так, что заболела челюсть. Нет. Она не «позволила». Она нанесла удар. Её рука держала клинок. Её отчаяние дало ему последний толчок.

Глаза её жгли, но новых слёз не было. Они высохли, испарились в пламени нового решения. Она смотрела на его бледное, залитое потом лицо, на сжатые от боли губы, и в её душе что-то перевернулось. Гнев никуда не делся. Он был теперь не бушующим пожаром, а тлеющими углями в основании печи – источником жара, а не разрушения. Но поверх этого гнева, холодным и тяжёлым пластом, лёг холодный расчёт.

Она больше не была пленницей, невестой ветра, рвущейся домой сквозь портал. Врата захлопнулись. Дом исчез в тумане. Теперь она была здесь. Застряла. В мире мечей, крови, императоров, которые видят в ней инструмент, и людей

вроде Кайла, которые разрываются между долгами и гибнут из-за них.

И чтобы выжить в этом мире... чтобы когда-нибудь снова увидеть этот туман за аркой, не как иллюзию, а как реальную цель — ей нужны были знания. И сила.

Знания были её оружием. Знания о телах, о ранах, о том, как заставить жизнь цепляться за самые крошечные возможности. Именно эти знания сейчас бились в её пальцах, пытаюсь заткнуть дыру в его животе. Именно их Император так жаждал.

Хорошо, подумала она, глядя, как стражники сбиваются с ног, исполняя её приказы. Пусть жаждет. Это мой козырь. Мой пропуск. Но козырь — вещь хрупкая. Его можно отнять. Запереть в башне и вытаскивать только тогда, когда понадобится починить очередного вельможу.

Её взгляд упал на Кайла. Он снова начал отключаться, его веки дрожали.

— Эй, — её голос прозвучал резко, но уже без истерики. Твёрдо. Как скальпель. — Я тебя спрашиваю. Ты хочешь, чтобы твоя мать получила весть о твоей героической смерти от какого-нибудь придворного палача? Или ты хочешь сам передать ей, что жив? Выбери.

Его глаза приоткрылись. В них не было понимания, только тупая боль и усилие. Но он снова кивнул. Микроскопическое движение подбородка.

— Тогда борись, — сказала она, и это был уже не крик, а

констатация. — Потому что мне ты нужен живым.

В этой фразе не было ни капли сентиментальности. Была голая, неприкрытая правда. Она озиралась этим новым, оценивающим взглядом. На Императора, который наблюдал за ней с хищным интересом. На капитана Хелгара, чьи глаза вычисляли её цену и уязвимость. На солдат, видевших в ней либо диковинку, либо угрозу.

Они все — переменные в уравнении. Угрозы или ресурсы. И Кайл... Кайл был единственной константой. Ненадёжной, сломанной, предавшей её константой. Но константой. Он дал слово и не сдержал, но он же пытался заплатить за это своей жизнью. Глупо, жестоко, по-варварски. Но в этом варварском мире такая цена, видимо, что-то значила. Он был единственным, кто рисковал для неё, а не из-за неё. Даже этот последний чудовищный акт — он был для неё. Чтобы освободить её от чувства долга.

Доверять ему нельзя, холодно констатировал её разум. Но можно полагаться. На его чувство долга. На его честь, какой бы искорёженной она ни была. На то, что он будет чувствовать себя обязанным. И он — солдат. Он знает этот мир. Его правила. Его тени.

Носилки подбежали. Она отдавала приказы чётко, без дрожи в голосе, указывая, как нести, куда ставить, что принести. Она чувствовала, как на неё смотрят. Удивлённо. С уважением, смешанным со страхом. Хорошо. Пусть боятся. Пусть уважают. Это лучше, чем жалость или вождение.

Когда его осторожно подняли, она шла рядом, не отпуская взгляда с его лица, одной рукой продолжая давить на импровизированную повязку. Ветер рвал её волосы, но она его не чувствовала.

Внутри у неё зрела новая цель, холодная и ясная, как хирургический лазер:

1. Выжить. Значит, стать для Императора незаменимой, но не беззащитной. Значит, понять дворцовые интриги. 2. Изучить. Как работают Врата. Кто их создал. Как их открыть. Какая энергия, какие ритуалы, какие цены требуются. Это будут её тайные изыскания. 3. Вернуться. Не как беглянка, а как хозяйка положения. С возможностью, может быть, даже... выбирать.

И для всего этого ей был нужен он. Кайл Валленр. Её меч и щит в этом чуждом мире. Её проводник по его законам. Её живое напоминание о цене обещаний и долга. И её... её искупление. Потому что если он умрёт от этой раны, нанесённой её рукой под его руководством, то тьма этого поступка навсегда останется с ней. Она не позволит. Она вытащит его с самого порога смерти, как он когда-то вытащил её из леса, кишашего наёмниками. Не из благодарности. Из необходимости. И из странного, искажённого чувства собственности.

Она наклонилась к его уху, пока они несли его по каменной тропе прочь от обрыва, от места её пленения. — Ты не умрёшь, — прошептала она так, чтобы слышал только он. Её голос был низким и твёрдым, как обет. — Я не позволю. Ты

останешься жив, и ты будешь служить мне. Ты будешь охранять меня. Ты научишь меня всему, что знаешь об этом мире. А я... я найду способ открыть Врата снова. И когда-нибудь мы оба получим то, что хотим. Но для этого нам нужно выжить. Понял, солдат? Это новая миссия.

Из его горла вырвался хриплый, едва уловимый звук. Не то согласие, не то стон. Но его пальцы, лежавшие на носилках, слабо шевельнулись.

Этого было достаточно.

Она выпрямилась и шагнула вперёд, в новый мир, который стал её тюрьмой, её полем битвы и её лабораторией. Она больше не была той девушкой, что дрожала от ужаса в лесу. Она была Элирой, лекарем из-за Врат. И она только что решила не просто выживать, а завоевать этот мир. Начиная с одного раненого солдата, чью жизнь она теперь считала своей собственностью.

Глава 10

Тишина, воцарившаяся после её слов, была гулкой и напряжённой. Солдаты переглядывались, шептались. Император смотрел на неё пристально, его бледное лицо было не читаемо. Капитан Хелгар скривил губы в полуулыбке – он видел блеф отчаяния, но блеф, подкреплённый странной, леденящей уверенностью.

Элира почувствовала этот взгляд на своей спине. Взгляд хищника, оценивающего новую, незнакомую добычу. Они не верят, – поняла она. Они видят лишь женщину в разорванной одежде, с руками в крови, цепляющуюся за умирающего наёмника. Её слова о новой миссии были для них шепотом сумасшедшей.

Но она не была сумасшедшей. Она была из мира, где знание – это сила иного порядка. Где законы природы слушаются не молитв, а формул. И хоть её формулы не работали здесь, принцип оставался. Чтобы выжить среди волков, нужно либо стать волком, либо... стать чем-то, чего волки боятся.

Она остановилась, заставив носильщиков замедлить шаг. Медленно, с достоинством, которого она в себе не чувствовала, но которое теперь было её доспехами, она обернулась к Императору. Ветер трепал её волосы, смывая с лица следы слёз и крови, оставляя только бледную, решительную маску.

— Ваше Величество, — её голос прозвучал ясно, режущим металлом в холодном воздухе. Он не дрожал. Он звучал. — Вы хотите моих знаний. Моих умений. Вы считаете их ресурсом. Инструментом.

Она сделала паузу, дав словам повиснуть в воздухе.

— Но в моём мире, — продолжила она, глядя ему прямо в глаза, не мигая, — инструмент не выбирает, кем ему быть. Я – не инструмент. Я – Элира из-за Врат. И мои знания – не просто набор действий. Они – дар. И они требуют уважения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.